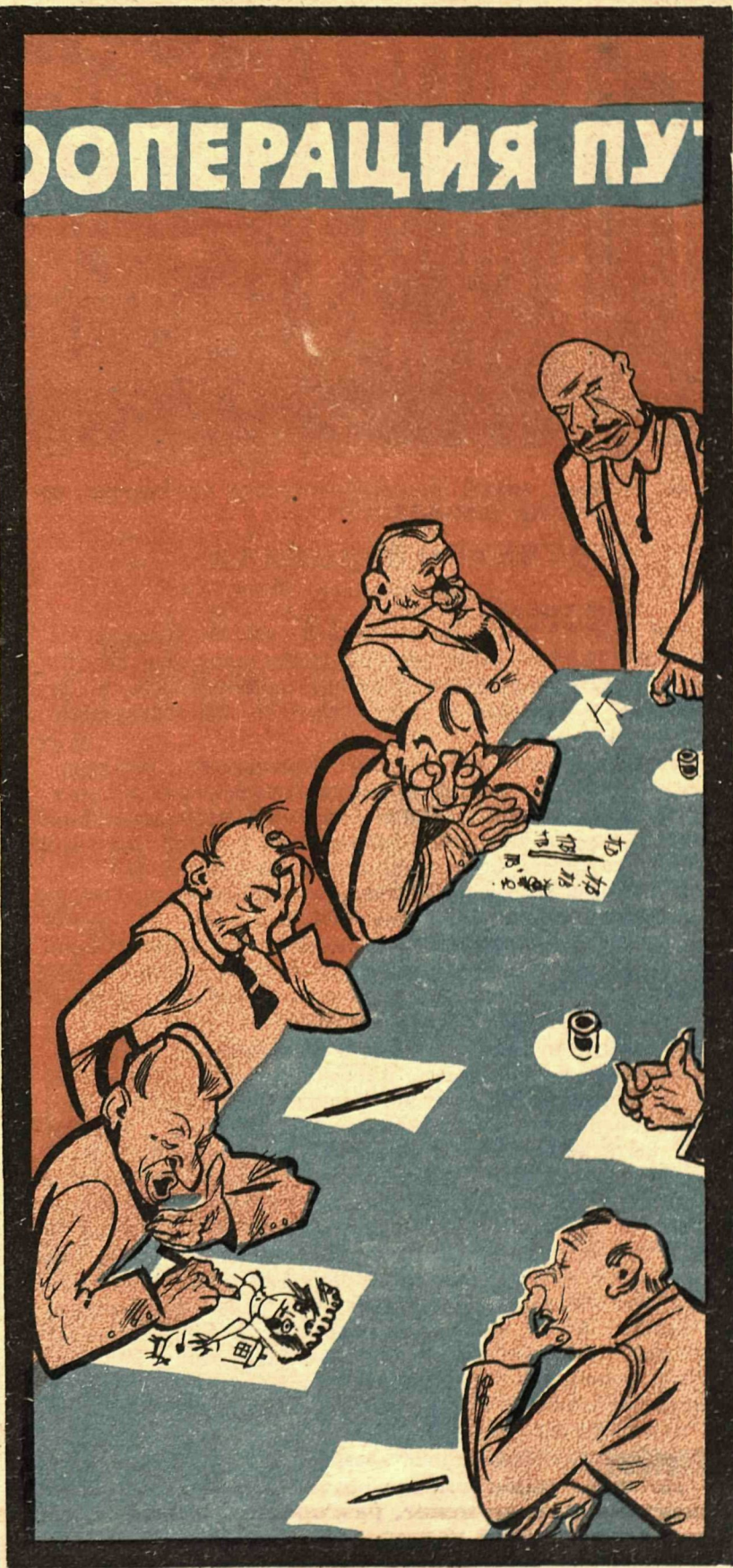

2556

КРОКОДИЛ

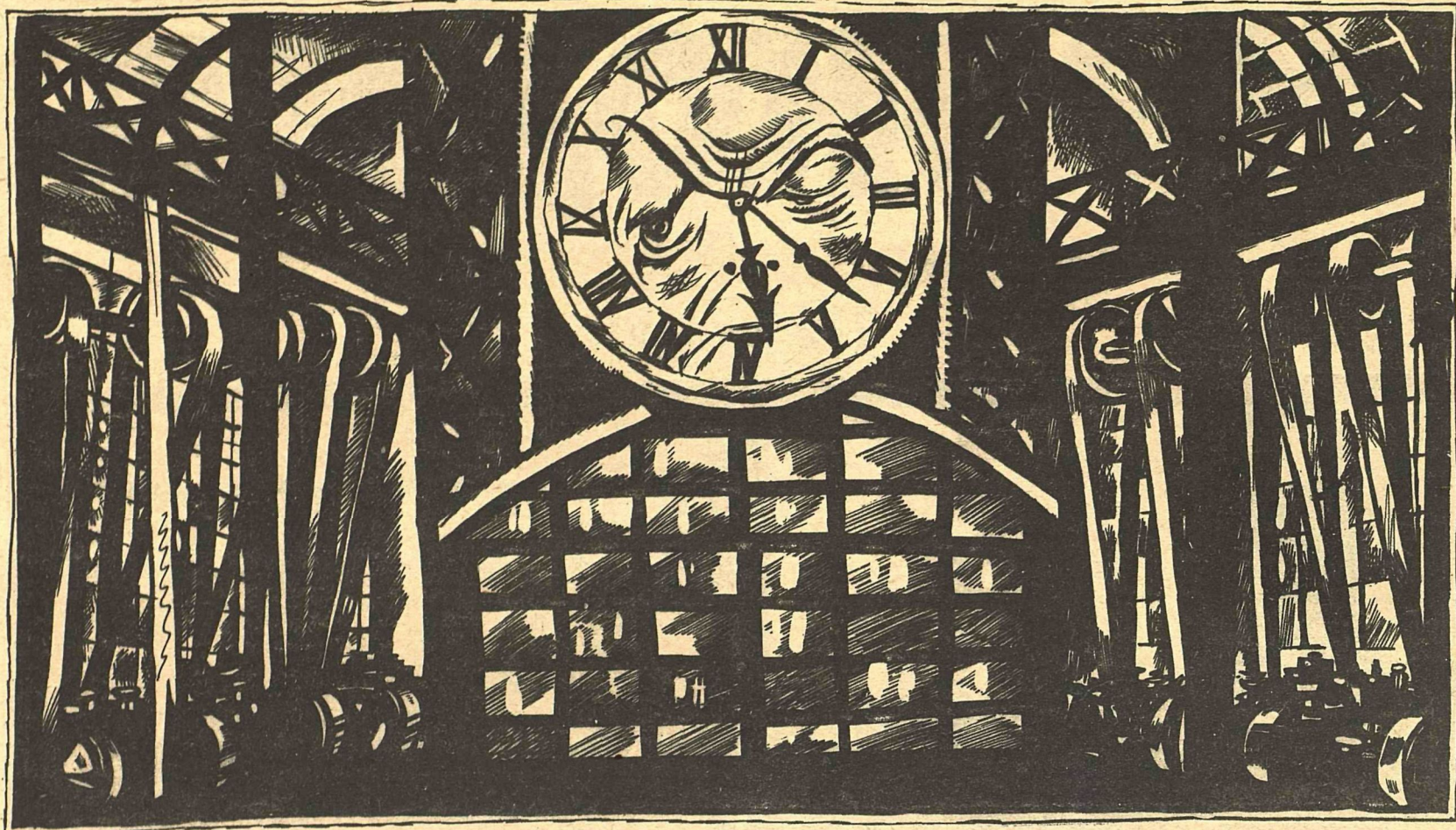
Рис. К. Ротова.

ДВЕ КРАЖИ.

— Граждане! Караул! Где же милиция? Этот стервец у меня двадцать копеек украл! Убить его мало!

— Между прочим, граждане, должен сообщить, что в кассе кооператива не хватает двенадцать тысяч пятьсот тридцать четыре рубля и двадцать копеек.

ЧАСЫ: — Чорт знает! Кажется, я хожу правильно, не отстаю. А рабочие — всегда вперед уходят. ДОЛЖНО-БЫТЬ, ЗАВОД ПЛОХОЙ!

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД.

(Происшествие).

Была горячая пора: подготовка к губ'ездам профсоюзов. Ответственные представители губотделов делали отчетные доклады на общих собраниях профколлективов. Делал доклад и т. Заморенов, представитель губотдела Рабпрос.

В нынешние дни, при всеобщем активном оживлении, не так-то легко делать отчетные доклады. Это вам не прежние времена, когда можно было отбубнить несколько звонких пустословных тезисов, упомянуть о потугах мировых хищников, которые бессильны перед несокрушимой стеной, — и дело с концом: выносятся без прений единогласная резолюция при одном воздержавшемся. Теперь — не то. Теперь массы желают вникать, в оживленных прениях наводится деловая критика, и докладчик должен стоять на высоте уровня. Теперь без подготовки не выступишь и громкими общими фразами не отделаешься.

Не с голыми руками выступил и т. Заморенов. Он подготовился, вооружился цифрами и подробностями, проработал детали и отдельные конкретные выводы, обосновал тезисы и наметил основные перспективы. Из доклада с очевидностью вытекало, что организация за отчетный период окрепла и выросла, что в области охраны труда губотделом была проделана большая работа, что постановку культ-работы можно признать удовлетворительной и что массы, в общем и целом, вовлечены. Растраты имели место, но не большее, чем в других союзах, а принятые соответствующие мероприятия позволяют надеяться, что печальное явление будет изжито. Были, конечно, и недочеты в работе, объясняемые как объективными обстоятельствами, так и недостаточностью наличного кадра работников, но можно с твердой уверенностью сказать, что дружными усилиями всех коллективов, при широкой самодеятельности активных членов союза, эти недочеты в ближайшее время будут устранены.

Доклад понравился. Докладчика наградили аплодисментами. Тем не менее, разгорелись и прения, направленные по линии деловой критики.

— Работа, конечно, проделана большая, — указывали выступающие, — но есть в ней и недостатки, которые необходимо отметить. В частности, нужно обратить внимание на недостаточность инструктирования и на все еще слабую

связь с местами. Много ли, например, получали мы инструкций по производственной работе? Необходимо также усилить местную культ-работу и выделять на нее больше средств. Кроме того, слишком медленно разбираются конфликты, хромает статистика, слаб инструкторский аппарат, не уделено должного внимания работе ревизкомиссий. Но, в общем и целом...

Тов. Заморенова критика не смутила. Тов. Заморенов, наоборот, был доволен — и отметил это в своем заключительном слове:

— Я с удовлетворением констатирую рост активности и сознательности, выразившийся, между прочим, в деловых выступлениях товарищей. Деловая критика необходима, конкретные указания на недостатки, выявившиеся в процессе работы, можно только приветствовать. И я заранее рассчитывал, выступая здесь с отчетом о работе губотдела союза работников просвещения, что. . . .

— Работников народного питания!.. — выкрикнул кто-то с места.

— Ммм... — сказал т. Заморенов. — Да, пожалуй, если брать в переносном смысле... Умственная, так сказать, пища, в общем и целом... Но не будем отклоняться. Я хочу отметить, что мы, члены союза Рабпрос, всегда...

— Союза Нарпит! Она!.. Не знает, в каком он союзе?.. — выкрикнули с мест сразу трое.

По рядам собравшихся пронесся невнятный гул. Тов. Заморенов заморгал. Председатель позвонил, призывая собрание к соблюдению тишины и порядка, и спросил негромко у т. Заморенова:

— Виноват, товарищ... Вы ж от какого союза?..

— От губотдела Рабпрос, конечно, — сказал тов. Заморенов. — От какого ж еще?

— Тю!.. А мы же — нарпитовцы. А рабпросовцев собрание вовсе во втором этаже, в этом же здании. Не туда, значит, попали, товарищ!

— История!.. — развел руками секретарь. — Но, главное дело, почему же от губотдела Нарпит не явился представитель? Он-то куда же делся?

И сейчас же ответил, с мрачной уверенностью:

— Не иначе, значит, как тоже обмахнулся: у рабпросовцев делает отчет! Там раньше нашего началось. Должно быть, уж резолюцию выносят...

Грамен.

СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ.

Бузька ямщик, привезший городского гостя, рассказывал о нем страшные вести:

— Не иначе, как важный и насчет не то недоимков, не то про кулака. А какой курс — не говорил. Скрытый, чорт. А меня пытал: у кого сколько земли, как работает, сколько зарабатывает, ды кто у кого работает и прочее в том же смысле. Ведяком не интересуется, а под мышкой — голенище с бумагами и махонькими книжками, вроде из себя длинные, а так — ни к чему, потому белые.

— Штраховка, может, новая вышла... Чтобы от смерти или как. А то вон намердись об брещени Ипата придавили по пьяному делу, — вдова по сю пору воет: ни тебе способности, ни тебе что... А какой мужик был...

— Не! Не то, говорю, в ем! Не про то спрашивает, антрес не тот. Борода тоже клинушкой, да не штраховая...

Пока шли пересуды по адресу нового гостя, сам он собственной персоной первый визит нанес Сергею Смирнову, зажиточному крестьянину. Оглядев новую избу, ткнув за чем-то перстом в затейливую резьбу дверного косяка, городской гость вошел в избу. С его появлением хозяин занял позицию возле печки, вежливо сложив руки на животе, а ребяташки, в том числе и четырнадцатилетняя Уляша, залегли на кровать за полог и оттуда украдкой поглядывали на вошедшего.

— Хозяин дома?

— Нету, товарищ, хозяина-то! В город поехал хозяин-то! Нету его, товарищ!

— Ах, так! — сурово переспросил вошедший, шагнул к столу, сел, разложил портфель, вынул бумаги, покрутил в пальцах какую-то черную палочку и еще строже спросил:

— Имя, отчество, фамилия?

— Мой, то-есть?

— Хозяина! До вас — мало дела. Он за все отвечает...

— Нету, милостивец, хозяина-то! Хучь в совете спроси, — нету! Уехал в город хозяин-то!

— Спрашиваю — как звать его? Жива!

Хозяйка заробела, высморкалась в фартук и сказала со вздохом:

Рис. И. М.

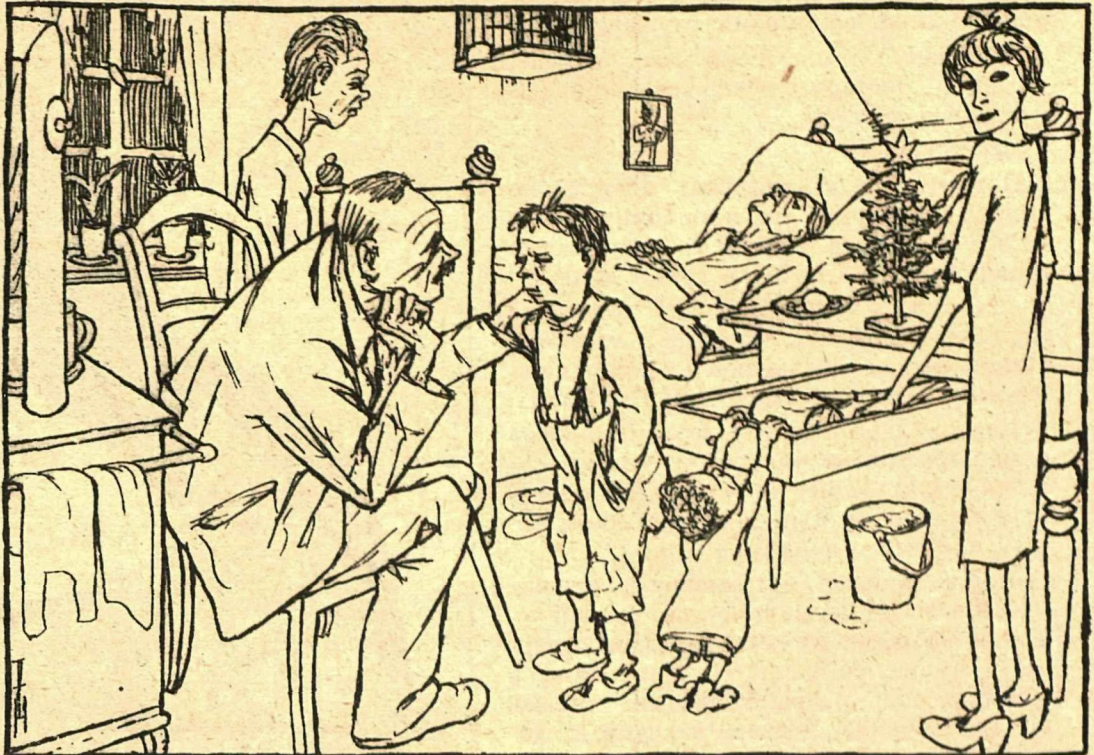

— Удивительно, как она до сих пор так хорошо сохранилась.
— Кто? Кассирша?
— Нет! Касса!

НЕМЕЦКИЕ ПРАЗДНИКИ.

Рис. Т. Гейне из немецкого журнала „Симплициссимус“.

В германском рейхстаге прошел законопроект о выплате 6. императору Вильгельму II 30.000.000 зол. марок за конфискованное имущество.

РАБОЧИЙ (СЫНУ): — В этом году деду морозу не до нас. Он должен отнести 30 миллионов золотых марок в Дорн, к Вильгельму.

— Пиши уж: Сергей Николаич Смирнов.

— Сколько лет ему?

— Тридцать пятый год.

— В Красной армии был?

— И вроде был, и вроде не был... Пиши — был.

— Так-с! Точный адрес?

— Чевой-то?

— Как ему писать-то?

— А так и пиши! Прямо на деревню, на Выселки наши.

— Хорошо!

— А, может, тебе, товарищ, не его нужно? Тут еще один Смирнов есть, у его сын в комсомольцах. И тоже Сергей, только Митрич. А как оба на мыслете по отцу-то, — то и путают их на почте. Так он по той стороне живет...

— Помолчите, гражданка!

Во время последующей паузы, заполненной хозяйкой на очищение носа, а гостем — на скорюпись, ребята осмели и повывлазили из-под полога. Гость кончил писать и спросил:

— Грамотная?

— Нет, товарищ, какая наша грамота. Вот Уляша у нас в школе обучена.

— Ну-ка, ты, быстрая, иди сюда! Вот тут распишись. Тут, тут! Пиши: «А за нее, неграмотную, по ее просьбе — Уляша Смирнова». Так. Хорошо. Два рубля, хозяйка!

— Милостивец! За что же? Еще к первому сроку все уплачено.

— Книгу получишь! Про все в ней сказано, в книге-то! Понимаешь? Давай два целковых, некогда мне!

Получив два рубля, гость ушел, оставив квитанцию. Обошел тем же порядком десятков дворов и только в одном, вместо квитанции, оставил значок, на котором был изображен какой-то бородатый человек: у хозяина не оказалось двух рублей, и гостю пришлось ограничиться полтинником.

По отъезде гостя (уезжал он на общественной подводе, оставив совету вместо денег квитанцию) граждане и гражданки кинулись к секретарию совета за разъяснениями. Секретарь внимательно рассмотрел квитанции и значок, сверил с квитанцией, оставленной совету, и сообщил:

— Допрежь один был порядок, а ноне другой. Как намердны рассылали с волости окладные листы, то теперь будут прямо с города цельные книги слать: налог платить, — лист выдрал! Недоимку или по посевной осуде — другой лист! Чтобы мороки гражданам не было. И по этой книге — все будете платить, потому в квитанции сказано: «при подписке задаток в размере двух рублей, а остальное равными суммами ежемесячно в течение года. Книга высылается при получении задатка». Выво. На год, значит... И каждый месяц платить...

... На другой и следующие дни граждане Выселок горько сетовали на непосильные налоги, а уполномоченный некоего издательства по распространению руководства — «Каждый сам себе фининспектор» в одном томе — обрабатывал новую деревню...

Вл. Павлов.

УПРОЩЕННЫЙ ПОДХОД.

Кто и когда задумывался над содержанием слов «советский служащий»?

Племянница моя, семи лет, уверена, что это—те дяди, «которые под дождем у тламвая мокнут»...

Неправильно.

Потому, что у «тламвая мокнут» не только служащие, но и рабочие. Да и не все служащие мокнут. Некоторые доставляются на службу в сухом виде...

Тетка моя убеждена, что советские служащие—это те, которые с удовольствием читают «Виринею» и являются горячими поклонниками Мэри Пикфорд.

Неправильно. Потому, что «Виринею» с удовольствием читают не только советские служащие, но и ученицы балетных школ, а на Мэри Пикфорд идет, между прочим, и нэпман.

Наша союзная организация уверена, что советский служащий—это всякий человек, который может и должен выдержать общее собрание с вопросами в порядке дня, разработанными силами местной ячейки, и вечер в клубе—с докладом и дивертисментом.

Неправильно.

Потому, что далеко не всякий советский служащий может это выдержать.

Вот в нашем, например, статистическом учреждении, где временно работал над изучением материала европейски известный доктор медицины Клейштойфер, на-днях состоялся доклад статистика 2-го разряда, члена РЛКСМ, о «мерах предотвращения чесотки».

— Вопросов нет?—спросил по окончании доклада председатель.—Возражений не имеется?..

Доктор медицины молчал. Он воздерживался, но чувствовал, что у него чесался язык. Чесотка?

А машинистка того же учреждения жаловалась:

— Уж как я слушала, а ничего не поняла! Потому—иностранные слова... об инфекции какой-то...

Или вот на-днях один профессор филармонии рассказывал мне о своих впечатлениях от вечера в клубе:

— В заключение,—говорил он методически,—одним из артистов была исполнена «камаринская» на двухрядной венской гармонии, в мало оригинальной аранжировке, но при наличии известного музыкального темперамента...

А курьер другого учреждения, который побывал на другом вечере в том же клубе, выражался так:

— Вышел энтот товарищ, ды-ы как зачнет Бетховена зажваривать, ну, скажи... туды-т-твою...

Курьер махнул рукой.

— И что же? Здорово?

— Куды как здорово! До зевоты!

Что же это такое—«советские служащие»?

Очевидно, этот вопрос надо отложить до следующего раза, потому что он не так просто решается, как кажется некоторым профсоюзным организациям.

Неизвестно пока—что это такое.

В. Авилов.

Рис. В. Козлинского.

АМЕРИКА:—Захочу—подниму, захочу—прокачу!

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ.

(Во время узаконенного 42-часового отдыха).

Если ты добился персонального оклада—это еще не значит, что отныне ты уже персона.

Как найти предел человеческой выносливости? Некто, проснувшись после четырехчасового доклада, имел еще мужество кричать:—Бис!

И мужчина порой может быть личным секретарем.

Если бы не брали с тебя членских взносов,—откуда знал бы ты, что состоишь членом профсоюза?

Приближаясь к старости, даже партийный человек в праве требовать нерушимости семейных основ.

Некая женщина говорила, что муж ее день и ночь проводит в заводском клубе. Он оказался клубным сторожем.

Самое маленькое жалованье можно разделить на три части.

Первая судимость подобна юности—она бывает только раз в жизни.

Всякий человек где-нибудь зарегистрирован. Но лучше регистрироваться в ЗАГС'е, чем в уголовном розыске.

Беспартийный Савелий Октябрьев.

ВИАЛЬ В БОК

СВЕРХРЕДАКТОР.

Что написано пером, того не вырубишь топором, говорит пословица. Но, как оказывается, там, где не помогает топор, с помощью простого перочинного ножа можно достигнуть блестящих результатов.

Коллектив служащих московского народного издаст стенгазету, печатая ее в одном экземпляре и вывешивая поочередно во всех конторах. В номере 6 газеты, вывешенном в первой конторе на Лубянке, одна статья не понравилась нотариусу Бирюзовскому, и он ее вырезал перочинным ножом.

Хитрый Бирюзовский! Он возьмет перочинный нож и эту заметку тоже вырежет из «Крокодила». Что-ж, пускай возьмет себе на память!

СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ.

Пишут нам про такой факт:

«На улицах города Торжка, Тверской губернии, милиция устраивает среди белая дню облавы на собак, расстреливая их тут же на месте. Около станции милиционер метил в собаку, а прострелил руку одному гражданину. Убитых собак с улицы не убирают»

Нам пужен только меткий стрелок, т.е. милиционеры. Это первое. А второе: вы собак стреляете и не убираете, а граждане за это на вас «собак вешают». Что же хорошего-то?

НЕ ТЕМ МЕСТОМ.

Обздрав Марийской области.

Амбулатория.

Приемная карточка.

21-го ноября 1925 года

У тов. Сидука имеется растяжение связок большого пальца правой руки. Ходить пешком тов. Сидук не может.

(Подпись) Врач Кузнецов.

Судя по заключению врача, в Юрине надо ходить на руках. Может быть, и думать там полагается не головой? А, товарищ Кузнецов?!

СОННАЯ ОДУРЬ.

В нашем клубе — чистота!

Красота!

Ни окурка, ни плевка,

Ни газетного клочка!

Возле урны

Спит дежурный,

Свесив слюни изо рта.

А кругом покой безбурный,

Пустота.

Со стены, не по сезону,

Первомайский смотрит стяг

И плакаты:—«Смерть Керзону!»

И «В Крыму не дремлет враг».

Пианино

Очень чинно

Дремлет в комнате пустой,

И на крышке поларшина

Пыли древней и густой.

И по крышке с завитушкой

Кто-то вычертил перстом:

«Маня Колосова — душка,

И невредная притом».

Лектор плакал целый час:

«Что за странная история?

Прихожу который раз,—

Все пустая аудитория!

Вы уж там оповещайте,

Объявлять помещайте...

Что же так? Нехорошо!

Ну, прощайте!»

И ушел.

А дежурный сел на стул,

Зевнул—

И уснул...

ЗАБЛУДШИЕ ОВЦЫ.

«Трое граждан г. Миаса, нуждаясь в деньгах, сломали свой собственный сарай на дрова. За этим занятием их засгал милиционер и отправил в милицию, где надзиратель Коршун, недолго думая составил протокол по обвинению их в 99 ст. У.К. за самовольную порубку леса».

Есть люди, которые могут заблудиться между трех сосен. Хитрая миасская милиция переделала их, умудрившись заблудиться в одном деревянном сарае...

РОЗЫГРЫШ С РОЗЫГРЫШЕМ.

Макарьевское Уотделение совторгслужащих 12-го декабря 1925 г. выслало местному Макарьевскому ЕПО для продажи служащим, членам союза, выигрышные билеты лотереи комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, розыгрыш которой был произведен еще 10-го сентября 1925 года, при чем председатель Уотделения тов. Седягина уверяла местком, что розыгрыша еще не было.

Розыгрыш лотереи уже был, но Седягина хотела разыграть еще и Макарьевский местком. Этого розыгрыша, пожалуй, и не будет, ибо Седягину раскусили.

НЕ В СЛУЖБУ, А В ДРУЖБУ.

Начальник административного отдела Ярославского Губисполкома, несмотря на соответствующие постановления Совнаркома и Ярославского Губисполкома о демобилизованных красноармейцах, не принял на службу демобилизованного шофера, прослужившего 7 лет в 49-й дивизии и бывшего на 5 фронтах, а взял вместо него не бывшего в армии шофера.

Завадмотделом рассуждает, очевидно, так:

— Ты уже послужил 7 лет, теперь отдохнуть можно. А послужат другие... Пельзя же, в самом деле, все служить и служить...

ЗАГАДОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА.

Из телеграммы, посланной из Петропавловска в Москву «Хлебопродукт» Учраспред:

«Заготовка разворачивается. Петропавловские пшеница вагон франко 115 т/не 120 Павлодаре Черлаке Иртышке также цены приемлемы. Заготов. западной Европы точка Представитель франкфуртской оппозиции Лебо в своей речи заявил под аплодисменты чувства ответственности за красное усиление наличными разметить ста тысяч, что создаст возможность правильного использования аккредитивов»...

Товарищ, приславший нам эту телеграмму, просит: «Ежели вы что-нибудь из нее поймете, то разясните и нам»...

Охотно разяснили бы, но ни черта не поняли

ТЯЖЕЛОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

Плохо, когда определяют вес на глаз.

«Согласно багажной квитанции Северо-Западного речного пароходства, подписанной заведующим пристанью в Орле, багаж взвешивают приблизительно: так, выскано фрахта—32 р. 78 к. за 72 стула и 2 стола, исходя из веса их в 1.564 килограмма—стулья по 17 кгр. и столы по 170 кгр.

Перейти на метрическую систему зав. пристанью не удалось; перейти бы ему на другую работу,—ибо считать он не умеет.

МЕЖДУ «МОЛОТОМ» И... ДУШОЙ.

Газета «Молот», орган Сев.-Кавказского Краевого и Донского Окружного Комитета ВКП (б), от 25-го декабря 1925 года печатает такое объявление:

«Кто хочет узнать, что скажет о вас наука, или желает проникнуть в уголки души других людей,—зайдите к психофизиографологу»...

Охотно верим, что это так, раз гражданин психофизиографолог смог проникнуть даже в газету «Молот»... В уголок души залезть после этого—плевое дело!

Рис. К. Елисева.

НА УРОКЕ МИНЕРАЛОГИИ.

ЛЕКТОР:—Узнаете ли вы эту породу?

РАБФАКОВЦЫ:—Как же гранит не узнать! Можно сказать, единственная наша пища.

Вас. Лебедев-Кумач.

БРАК ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ.

БРАК НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ.

НЕЛЬЗЯ УМЕРЕТЬ СПОКОЙНО.

В Чистяковке, в шахте № 6 (Донбасс), разбирался в РКК представленный контрольной рудоуправления список на сокращение, в котором, между прочим, значился Караваяев Владимир, который умер еще в средних числах ноября. В ответ на запрос рабочих хозорган ответил, что Караваяев не заявил о своей смерти, а потому и попал в список.

Хорошо, что Караваяев умер, а то пришлось бы ему, бедняжке, отвечать перед рудоуправлением за незнание распоряжения рудоуправления о самоличной регистрации умерших на предмет исключения из зарплатных списков...

НЕУКРОТИМЫЙ СОКРАТИМЫЙ.

Среди рабочих токарного отделения слесарно-сборочного цеха Севастопольского морского завода есть Сергей Тимченко, называющий себя «неукротимым Тарзаном». За ним числится много гадостей: он пристаёт к работницам, издевается над учениками, а вдобавок ворует баббит и продает его торгашам. Самое плохое то, что он числится в рядах комсомола и порочит его честь.

С неукротимым, конечно, поделаться что-нибудь трудно... Разве только вычистить из ЛКСМ и, пожалуй, сократить...

УМСТВЕННОСТЬ.

Из распоряжений по мельнице № 210 при Петропавловской областной конторе «Хлебопродукт».

«§ 1. Вменяю в обязанность с сего числа выписываемые правительственные газеты, как-то: «Известия», «Рабочая Газета», «Правда», распределять следующим порядком между сотрудниками конторы, а именно: бухгалтеру Сухову «Известия», счетоводу Ехлакову «Правду», Коврову «Рабочую Газету», за которыми коим строго следить, при каждом получении газета должна прочитываться...
Зав. мельницей (Петров)».

Теперь пусть попробуют не читать газеты... А вот сотни тысяч читателей прочитают теперь распоряжение Петрова и скажут:
— Хоть ты и Петров, а...

ШИШКИ.

Прислали документ:

«Правлению Никольского общества потребителей. Сообщаю, что на общем собрании ячейки выдвинут тов. Лазарев, И. С., для работы в кооперации, а посему предлагаю—ни одного заседания правления и ревизионной комиссии не должно происходить без представителя. Отв. секретарь Никольской яч. РЛКСМ Шижкевич.»

Приславший нам этот материал товарищ жалуется: «Ячейка РЛКСМ находится рядом с обществом потребителей. А, между тем, пишет правлению приказание вместо того, чтобы по-товарищески зайти и сговориться».

Ишь, чего захотели,—зайти, сговориться, да еще по-товарищески... Секретарь, да еще ответственный, да еще и Шижкевич,—ого-го!.. Взглянешь, — шапка валится!

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К БЕЗРАБОТНЫМ.

Разные бывают уважительные причины
«На отношении райрабочкома ВССР от 19 октября № 667 Посредбюро с просьбой выяснить, почему не производится регистрация членов союза, мешающая получению безработными пособия,—имеется следующая резолюция: «Регистрация не производится по причине холода в помещении не только члена вашего союза, но и всех безработных».

А все-таки при такой температуре кому-нибудь может быть жарко!

ЩЕПЕТИЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ.

Объединенный местком № 3 г. Скопина спросил у администрации райсоюза ПО разрешения на стенгазету, издаваемую месткомом «Красный Кооператор». На это администрация выдвинула условие: если про нас будут писать хорошее, то можно: Очевидно, газета издаваться не будет, так как про такую администрацию ничего хорошего не то, что написать,—сказать нельзя!

ШИРОКИЙ РАЗМАХ.

Сообщают нам про такой случай:

«Завком «Красный Кожевник», в городе Торжке, ухлопал 2.000 рублей на ремонт клуба, 300 руб. ухлопал на бюсты и проч. украшение для клуба. На политпросветительную работу не осталось ни копейки»...

На широкую погу живут тамошние завкомщики... Как бы это-нибудь се не отдалил.

НА РАДОСТЯХ.

Нам сообщают:

«Председатель сельскохозяйственной кооперации села Макушино, Курганского округа, Уральской обл., гр. Осетров, член РКП, будучи переизбран вновь в председатели, напился пьяным и избил свою жену. Когда та вырвалась от него и убежала к соседям, Осетров выгнал соседей из квартиры в 12 час. ночи и открыл стрельбу из нагана».

Христофор Колумб открыл Америку, тем и прославился...

Осетров открыл стрельбу из нагана... И тоже прославился. Тот же из органов надзора, который откроет Осетрова, хотя и не прославится, но делает полезное дело.

ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ.

Сообщают нам про такой печальный факт:

«Севастопольский морской госпиталь захотел изготовить печать для пакетов и для этого просил разрешения у высших инстанций. Еще 12-го сентября послал отношение в Санитарное Управление флота. Санучр запросил еще высшую инстанцию—Штаб Черноморского флота, и т. д., и т. д., и т. д. А печати и до сих пор нет. А, кстати сказать, управление санитарной части находится от конторы госпиталя на расстоянии едва ли более 25 саж.»

При таком обилии медперсонала—и запущенная болезнь: бюрократизм и волокита.

Врачу, исцелился сам, а то РКП лечить возьмется!

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ.

Предусмотрительные бывают люди, да еще имеющие отношение к деньгам.

«Инспектор ГубРКИ приехал ревизовать коммунальные предприятия Болхунского РИК'а, Астраханской губернии. Зав и член РИК'а Богатырев заболел, а другой член, Терский, уехал в Саратов. Ревизия не состоялась».

К сожалению, от перемены мест ревизуемых сумма растрат не меняется.

ЗАСЫПАЛИСЬ.

Астраханская газета «Коммунист» (№ 288) под заголовком: «Засыпанные обвалом рабочие спасены» — печатает:

«КРАСНОДАР. Открылось первое совещание крестьян-выдвиженцев Кубанского округа. На совещании выяснилось, что выдвиженцы сейчас очень хорошо разбираются во всех вопросах хозяйственной жизни страны».

А вот редакция «Коммуниста» плохо разбирается даже в одном вопросе: как верстать газету, чтобы читатель не очень ругался?

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ.

Много, товарищи, пишут про разные уклоны и ненормальности, а также про борьбу. А нет того, чтобы описать про нас. Потому, что показательно, как все виды: и единый фронт, и уклон, и ненормальности, и, ясно, борьба. В результате же, извините за выражение, нарушение всех директив получилось и по профсоюзной линии.

Надо вам сказать, товарищи, что работники у нас подобрались на редкость: и директор наш — красный и даже из себя рыжий, вроде как огненный. Секретарь ячейки — кровь проливал неоднократно в то время, как другие с меньшими понятиями в мягких вагонах ездили. И про себя, как председатели завкома, плохого сказать не могу. Вот уже четыре года работая на заводе «Свет Октября», хотя я и настаивал при переименовании, чтобы было сказано — «Красный Свет Октября», то меня не послушали, а может, все с того и пошло.

Хорошо. А теперь, как говорится, по текущему моменту. При пере выборах по осени нашего завкома, то пришел на общее собрание секретарь ячейки и строго наказал, чтобы с демократией в смысле: без списка, по персональному, с обсуждением и выдвинуть из рядов. Я же всегда был на виду, а потому из рядов — единогласно, тем более, что постановила ячейка. Конечно, из рядов и другие члены завкома, но как я от ячейки единогласно, то и был я председателем. Берусь, конечно дело, за работу, все тихо-мирно. От рабочих не оторвался и ни до чего себя не допускал, а только по первому делу с прозодеждой: не выдана, и требуют обсудить в порядке дня. Вопрос острый, потому штаны рвутся, а на пиджаке пятна, рабочий же кредит когда будет и кроме того — на ассортимент жалобы. Само собой, — к секретарю. Он мне резонно и говорит:

„Шеф“ в деревне.

Ю. Г.

ВСЕ В СВОЕ ВРЕМЯ.

«Председатель Кологривского Уик'а, Карпунчев, несмотря на заключенный колдоговор, не выплачивает сверхурочных служащим дома предварительного заключения. Тянется волокитная переписка со всеми учреждениями, а служащие денег не видят до сих пор. Карпунчев пишет на требования рабочих резолюции: «Денег нет».

Разные, конечно, бывают заключения: и предварительное, и по суду. Не будет ли тут заключения по резолюциям?

БЕЗНАДЕЖНО БОЛЬНОЙ.

Сообщают нам про такой факт:

«Заведующий мануфактурным магазином Весело-Вознесенского ЕМПО, Федоровского района, ежели товар расценен в 3 рубля 75 коп., продает за 4 р. 75 к., ежели 1 р. 50 к. — продает за 2 руб.».

И умоляет нас рабкор: „Прощи рецепт на очки тов. заведующему, чтоб лучше разбирал проставленные цены на товар“:

Очки с удовольствием выслали бы, да все равно не помогут. Единственный способ лечения для вашего заведующего — соответствующее внушение и уход

— Обсудим на бюро, в которое входит и товарищ Трештов, то есть наш красный директор. Во фракционном порядке, согласно резолюции 11 съезда партии.

Собрались мы вечером, кратенько о международном и внутреннем поговорили и перешли к вопросу. Директор наш красный и говорит:

— Товарищи, должны же понимать, что я сам рабочий от станка, а потому никаких злых умыслов, а только погодить надо. Потому, что вексель срок сейчас подходит и денег на прозодежду нет, а нужны тыщи. Но только передождем с векселями, тем же часом возьмемся и за это, как сам понимаю, что вопрос наболелый, но двух недель. В самые же нужнейшие места, как кузница и литейный, — кое-что дадим без промедлений.

Что-ж! Дело говорит человек, всякому понятно! Первое — вексель, а что до двух недель, то срок пустой, тем более — с цифрами в руках! Каждый рабочий поймет и успокоится!

Успокоились и мы. Слушали-постановили: вопрос о прозодежде с повестки дня общего собрания снять.

И сняли

На общем же собрании вышла сразу неприятность. Зачитали повестку дня, а известный всему заводу горлопан Пафнутьев вместо чем не возражать и принимается единогласно, то он встречает:

— Пропу, говорит, дополнить прозодежду!

И кругом шум:

— Просим, просим!

Вежливо отвечаю:

— Дорогие товарищи! Как у нас было по этому поводу заседание бюро ячейки, то и постановили во фракционном порядке — снять!

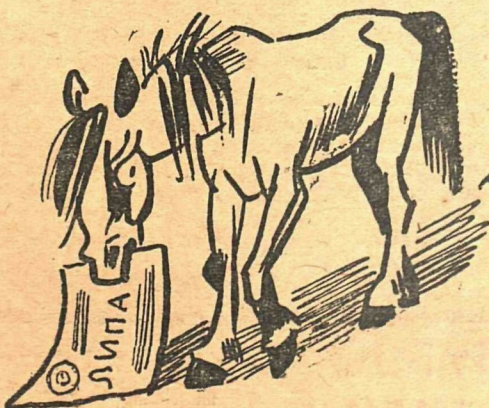
А они дальше шумят:

— Почему такой — снять? Како-тако постановление?

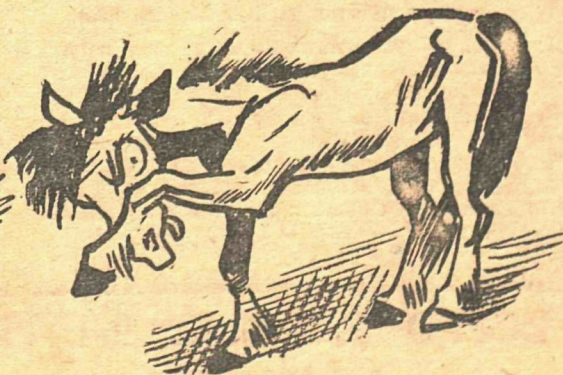
ТИПЫ ЛОШАДЕЙ.

Наркомзем вводит специальные „паспорта“ для лошадей.

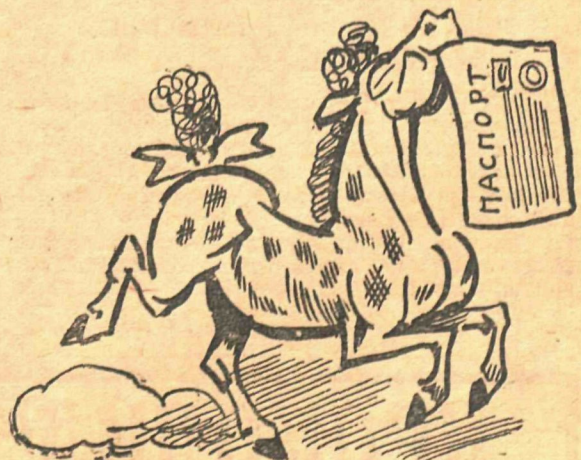
Рис. А. Радакова

С „липой“.

Беспаспортная.

С законным паспортом.

Конечное дело, — объяснить бы им про векселя и про две недели, может, и замолчали бы. Директор так и предложил, но и секретарь его призвали к порядку, а секретарь, кроме того, попросил слова и заметил общему собранию, что, между прочим, должны иметь доверие к ВВП (б).

Шум, гам и буза. Встает наш красный директор, которого уважают, и громовым голосом говорит, что, не нарушая фракционной тайны, он может сообщить, что во фракционном порядке вопрос считается согласованным и улаженным.

Такое тут поднялось, что и передать невозможно.

— Как, — кричат, — улажено и согласовано, когда в двадцати процентов не выдано до сих пор, а главное — ватные брюки для литейщиков!

— Товарищи, говорю, дорогие! Процент прошу не касаться — как вопрос, решенный 14 съездом партии: проценты — жалкий уклон ленинградского Саркиса, как отметил товарищ Бухарин под единодушные аплодисменты. А потому — этот вопрос снимаю с очереди.

В среднем и целом, собрание прошло благополучно благодаря нашей фракционной выдержке: бузотеры в количестве большинства покинули,

а мы, оставшиеся, заслушали доклад по международному и об оживлении профсоюзной дисциплины, спели «Интернационал» и разошлись.

А на другие и следующие дни — на заводе буза непрерывная и все из-за прозаежды. Как тут же встал вопрос о задержке зарплат, то хотя мы во фракционном порядке и выяснили, что на два дня, но буза разрослась. Скажи мы им, что на два дня, — может, и ничего бы. Но, соблюдая фракционный порядок, требовали единогласного подчинения.

Значит, мы-то действовали согласно собственным директивам и резолюциям. А на деле что вышло? Вышло полное нарушение!

Вопреки всем постановлениям и резолюциям прибыла комиссия от губкома в партийном составе и сняли меня и секретаря ячейки, хотя и выдвинутых из рядов. Директору же по партийной линии было внушение, после чего он оказался ренегатом, нарушил фракционный порядок и раз'яснил рабочим, с чем и кончилась буза.

Как, по-вашему, товарищ дорогой, где же правда-то? Из-за того, что беспартийные по несознательности бузят, снимают партийных работников, то-есть с выводом организационного характера, да?

Вл. Павлов.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

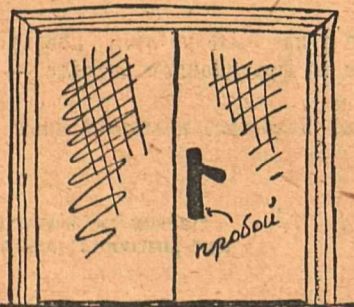

Тов. Семашко.

НАСИЛИЕ НАД ЛИЧНОСТЬЮ.

«Красноярский Рабочий» в № 267 произвел насилие над всеми любимым и уважаемым наркомздравом тов. Семашко. Злодей парализовал ему правую часть лица, ампутировал правое ухо и всадил бельмо в левый глаз. Факт, как говорится, на лице.

Преступник не задержан, а, наоборот, беспрепятственно разошелся к читателям. Меры к розыску не принимаются.

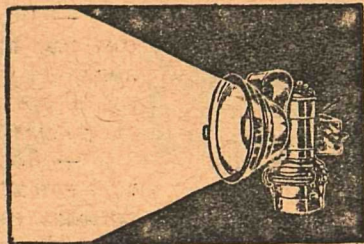
РЕДАКЦИЯ СПИНОЙ К ДЕРЕВНЕ.

(Гор. Сталин, Донбасс).

Двери редакции газеты «Диктатура Труда», запертые для крестьян. Крестьянин не может заменить утерянного документа без публикации в газете. Для публикации же не поедет за 30—40 верст в будний день, а поедет в базарный — в воскресенье.

А редакция в этот день закрыта. И неохота ей дежурного назначить, ох, неохота!.. Писать про смычку — известно, куда легче.

Неугомонный.

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ.

Фонарь, с которым и днем не сыщешь кассы взаимопомощи на Уршельском стекольном заводе Владимирской губернии. После долгих и бесплодных поисков рабочие дали объявление в газеты такого содержания:

ПРОПАЛА касса взаимопомощи. Приметы: денег нет, отчетов нет, докладов нет, собраний нет. Имеются только долги с должниками. Нашейшему кассу таковой не пользуйтесь — все равно ничего не выйет.

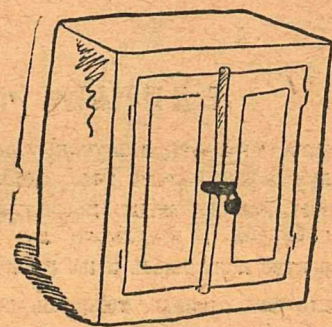

КАК В АПТЕКЕ.

(Таганрогский завод Южметаллотреста).

Настоящий кусок мыла помещается в паноптикум, как редкость, по просьбе заводских фабзавучников. Он имеет 4 сант. в длину и 1½ сант. в квадрате и выдается на одного человека в месяц для мытья рук и умыванья.

Ребятам приходится выходить как-нибудь из положения, чтобы кусочка хватило на месяц. И они выходят. Знаете, как? Они попросту не моются.

ЧТО ИСПОРЧЕНО

На вигоневой фабрике Розы Люксембург (Волг., Ярослав. губ.) есть радиоустановка с громкоговорителем. Т.-е., собственно, ее нет. Т.-е., собственно, она есть, — но фабком так ею дорожит, что запер ее в шкаф, на замок, и так и держит. Вот он, шкаф, у нас в паноптикуме. Ходят бедные радиослушатели, купившие на свои денюжки установку, и рассуждают: — Не слышно что-то нашего радио... Испорчен он, что ли?.. А может, что другое испорчено?..

Верно! Не испорчен ли фабком?

БИЛЕТ И КЛЮЧ.

(Фабрика «III Интернационал», Карабаново, Владимирской губернии)

1. Гаечный ключ, которым подмастерье Семен Пантелеев публично, в производстве, подсадил синяк своей жене.

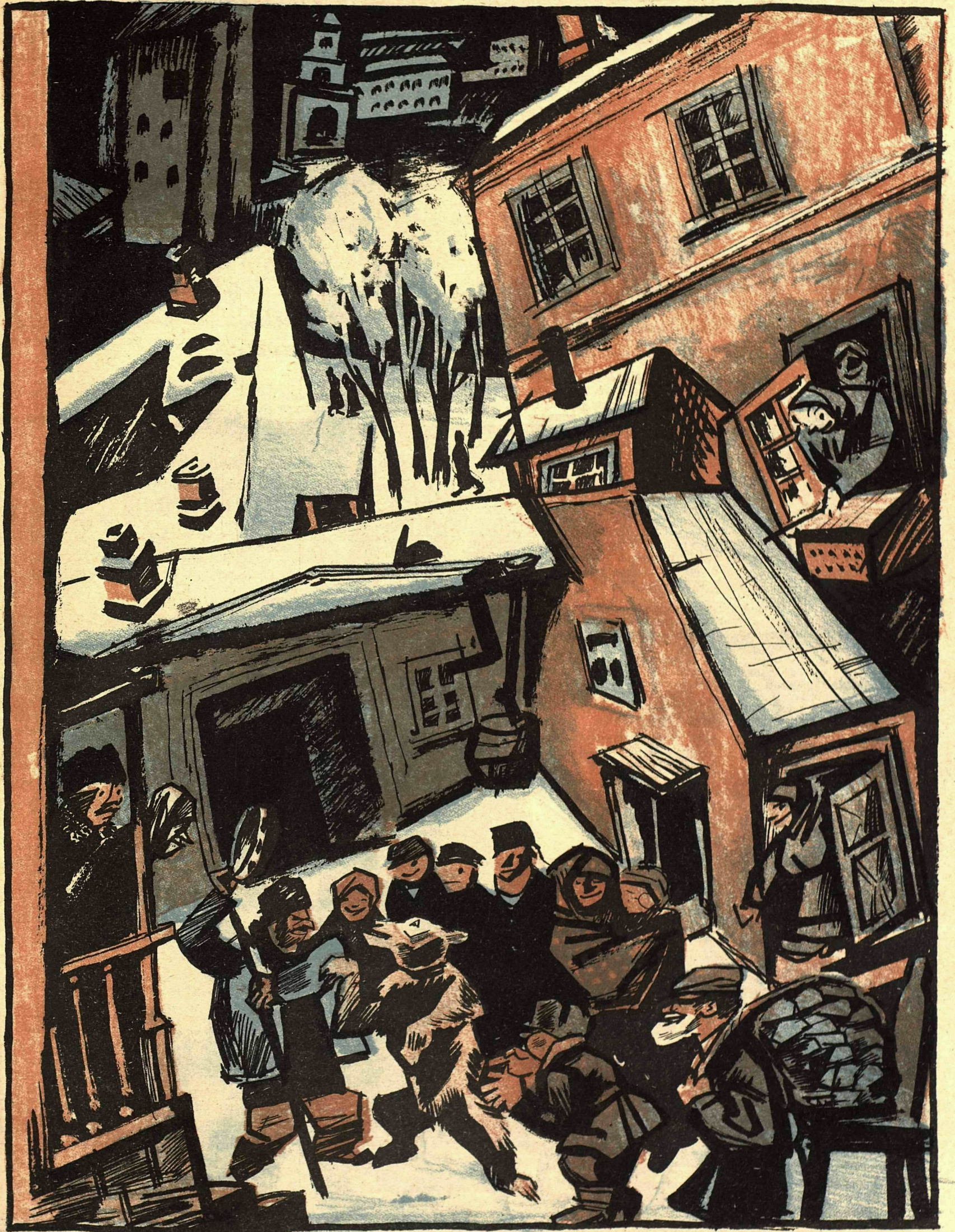
2. Партбилет, который в это время находился в кармане у Пантелеева, — где находится и сейчас.

Не знаем, каков ключ. А партбилет, прямо говоря, — липа

„КРОКОДИЛ“

ВСЕГО ДОРОЖЕ ДЛЯ РАБОЧЕГО
и всего ДЕШЕВЛЕ для его КАРМАНА

Цена:
на месяц — 45 коп.
отд. номера — 12 коп.

„ИСКУССТВО—ТРУДЯЩИМСЯ“.

Вернувшись домой, Антон Гусаров с такой силой хлопнул дверью своей холостецкой комнаты, что гармонь, заливавшаяся у соседей, жалобно икнув, примолкла. В коридоре зашлепали шаги, и резкий женский голос прозвучал презрительной насмешкой:

— Опять Антошка бухует! Кому же еще? Конечно, он,— жених наш ненаглядный!

Антон досадливо повел ухом: не будет ли продолжения? И уже зашевелились губы, готовясь к крепкому семиэтажному ответу. Но шаги в коридоре стихли, скрипнула дверь, и гармоника, вздохнув на басах, заходила веселей прежнего:

Никанорова солома,—
Никанорихина рожь.
Никанора нету дома,
Никанориху не трожь!

Антон смачно сплонул. Не раздеваясь, он стоял среди комнаты и мрачно шарил глазами по углам. В комнате было грязно и голо. С одинокой, неприбранной кровати свесилось вниз одеяло. Салом лоснился непокрытый матрац, и в двух местах глядела из дыр примятая солома. Рядом стул утопал в грязном белье. На столе и на подоконнике валялась месяцами немывтая посуда, пустые бутылки, ржавый ножик, окурки, обрывки газет. Воздух тяжелый и кислый бил в нос. Пахло керосиновой гарью, застоявшимся табачным дымом, водкой и еще чем-то острым и неопределенным — холостецкой псиной.

Крутнув головой, Антон тяжело сел на кровать, подумал, рванул с головы шапку и злобно швырнул ее в угол.

— Э-эх! Последний я человек!

И в поисках сочувствующей души обратился к единственному обещанному стулу:

— Развязки мне нет никакой! Должен я теперь гибнуть за чужую подлость.

Стул не возражал. Но Антон протестующе взмахнул рукой:

— Да, да! Из-за стервы должен я погибнуть. Из-за подлой стервы! Каждый мне теперь в лицо тычет. Каждый старается надсмешку придумать. Каждый! Да! А за что? За то, что я, как дурак, попался? Да? И кому от этого легче? Весь двор гогочет. По переулку скоро пройти будет нельзя! Человеку—во-о! Петля! А они ржут. С-сволочи!

И Антон погрозил стене кулаком.

— Сенька со всеми путается — ничего. Болтухин Сережка — тоже ничего. Им можно. Они умеют. А я должен пропадать? Да? А чем я хуже других? Ну, чем? Почему мне государство обижает? Разве я не такой же трудящий?

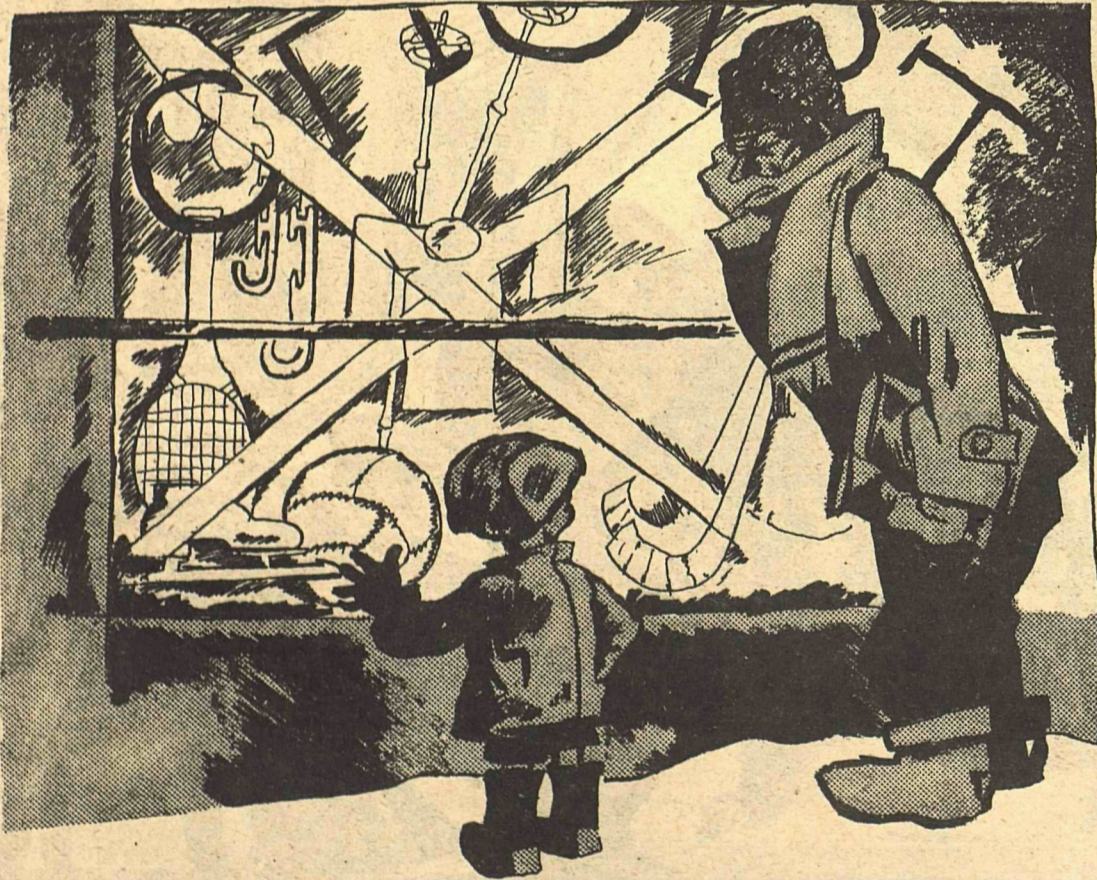
Расстегнув шубу, Антон, сопя, закопался по карманам. Вынул осколок зеркальца, папиросы, старый кошелек. Из кошелька достал бумажку

— Во! Пожалуйста! «Дано сие товарищу Гусарову Антону Кузьмичу в том, что он действительно является... грузчиком матерьяльного склада Мы-Кы-Жы-Ды... И получает оклад жалованья в размере... Фигу он получает в размере! Девятнадцать рубликов—тю-тю! А за что? За что, я спрашиваю?»

И, рассердившись, Антон крепко ударил кулаком по беззащитному стулу. Стул промолчал, а Антонову кулаку стало больно. Антон подул на кулак и успокоился. Взял зеркальце — поглядел, закурил папиросу — и опять поглядел, отодвинув руку.

Из зеркальца смотрело широкое, скуластое, веснушчатое лицо. На пухлой губе — рыжеватой паклей усики под курносом носом. И голубые, выпуклые, наивные глаза. Антон пригладил курчавые волосы, посплюнвив, закрутил усы:

Рис. М. Храпковского.

— Папа, купи мне коньки, только не по рабкредиту, а настоящие...

Адрес: Москва, ул. ... 30-15 м. 65 пор. № 2091
От: ...
Пришла: ...
Передано: ...
г. ч. м. пор. № ...
пр. № ...
Передано: ...
№ 427
Число слов: 23
ВРЕМЯ ПОДАЧИ: 30 14 45
СЛУЖЕБНЫЕ ОТМЕТКИ: ...
Ваше имя: ...
Успокойтесь, все помешанное поезде мероприятие уфр предете москвеведом — успокойтесь

Т е л е г р а ф в М о с к в е .

Ленинский исполком по случаю нового года прислал свою торжественную телеграмму в газету.

«Крокодил» прочитавши телеграмму, положил резолюцию: — Можно. Пушай выполняет!

— И не урод я. Не хуже я других... А что пью когда — так я с горя пью.

И, печально наморщив белесые брови, Антон закивал самому себе в зеркале:

— Ну, что смотришь? Смотри, не смотри — пропал, брат ты, Антошка! Кругом, брат, пропал! Через молодость свою погибаешь! Не пойдет за тебя Варяха... и никто за тебя не пойдет... Э-эх, Антон! Удалой молодец!

И острая, пьяная жалость к себе развезла вдруг пухлые Антоновы губы. Он всхлипнул, вытер под носом и машинально глянул опять в зеркало.

Зеркало тоже плакало.

*

В эту ночь никак не удавалось уснуть Антону Гусарову. Одетый, вертелся он с боку на бок, скреб пятерней в голове, кричал, прилаживался, натягивал на нос пальто.

Скрипела кровать. Скребли в углу мыши, точно камушек кто-то катал. С потных стекол тюкали капли на подоконник... Сон не шел.

После пьяных, обильных слез быстро уходили из головы остатки хмеля, и голова, как ни пеленая ее, не хотела перестать работать.

Варяха, веселая, белозубая, грудастая Варяха из восьмого номера кружилась, улыбалась насмешливо и призывно, пестрой юбкой была прямо по закрытым глазам и убежала, дразнице взвизгнув. Антон вздрагивал, как от щекотки, стонал и открывал глаза.

Сегодня у ворот было решительное объяснение. Антон выпил для храбрости — и все-таки проиграл сражение. Варяха подняла его насмех:

— Может, у тебя еще три жены объявится. Так ты меня в четвертые позовешь? Нет, брат, иди и целуйся со своей Аришкой!

И показала ему язык.

Этот язык мучит Антона больше всего: даже разговаривать не хотят по-человечески! Э-эх!

Скрипит Антонова кровать.

— Что делать? Выпить — нечего, пойти — некуда... И уснуть — не уснешь.

В соседней комнате вдруг завозились. Прозвучал приглушенный грудной женский смех, и снова закричала притихшая было гармошка:

— Ах тюх, тюх, тюх!

Разгорелся утюг.

Она меня утюгом,—

А я ее матюгом!

Стиснув зубы, Антон вскочил с постели, встряхнувшись по-собачьи. Зажег свет, сплонул и почесал кулаками красные веки. Сел к столу и безразлично уставился глазами перед собой. Обида, горькая и безнадежная обида на соседей, на весь дом, на приятелей, на начальство, на государство, на всю жизнь — затопила Антоново сердце.

— Подать просьбу в суд — ничего не выйдет... в консультации человек отказался... все равно, не снимут этих элементов... А так жить... тоже... не выходит... К Аришке жить пойти? Обрадуется, стерва...

Увядшая, с сухими тонкими губами, с выбившимися из-под платка потными прядями волос, с тоскою и болью в глазах мелькнула перед ним Арина. Такою видел он ее в нарсуде.

Антон брезгливо дернул головой:

— Нет... Лучше прямо уж руки на себя наложить! И чего надо сволочи? Поиграл, да и за щеку.

И, вздохнув, он тупо зашарил по столу глазами.

Вдруг глаза остановились, уперлись в краешек стола и в них, разгораясь все ярче и ярче, засветилась какая-то мысль.

В самом конце стола, на краешке стояла старая, пыльная банка фиолетовых чернил, с воткнутой в горлышко ручкой. Антон потянулся к чернилам, взял, посмотрел на свет — есть еще. Забегал по комнате, тщето стараясь найти клочок бумаги. Вырвал еще неисписанный лист из расчетной книжки, сел, закурил, поболтал в чернильнице ручкой и, отирая со лба крупный пот, заскрипел пером:

«Пишу к вам в газету, товарищ редактор, как к последней надежде. Я холостяк — и сейчас плочю на содержание ребенка одну треть. Для меня очень обидно и тяжело и до сих пор я не могу жениться, потому что ково мне нада, то те от меня бегут и отказываются, говоря, что на вас наложен арест, и вы плохой будите муж своей семье. И дело я зделал в пьяном виде, что предложила сама, и вот с той неприятности я все время пьянствую и пропил все, что имел, так как я вижу нет справедливости в С. С. Р.»

Антон остановился, потер лоб и долго замахивался ручкой, готовясь вывести большую букву.

«Государство взял в свои руки все фабрики и заводы и также железные дороги и матерьяльные склады и городские дома, базарные площади и леса и также взяла землю и воду, накладывает налоги так и далее. И все ему мало и даже пригульных незаконных детей ввалила на мужской пол!! Это несправедливо и незаконно вы етим отталкиваете рабочию массу. Государство таргунть вином очень дорого, прежде было дешевле. Неужели у него нет денег для пригульных незаконных детей, нет я скажу что в государстве деньги есть, но желает она отомстить мужескому полу.»

Ну, что делать, будим терпеть мы мужчины и будим проклинать свою несчастную и порабощенную жизнь для благо женского хотения, за один раз буду помнить 18 лет, и все время буду говорить трижды анафимо проклят я советскими законами, анафимо проклят я.

«Товарищ редактор поставьте егот вопрос к самому скорому разрешению как последняя моя надежда. И не один я но много таких вам скажут и весь рабочий класс трудящих СССР. Если поможете то по грон жизни буду вашим рабкором.»

Антон хотел еще что-то приписать, но потом обчистил перо и подписался с вывертом и кляксой.

Слипались глаза. В окно пробивался серенький проблеск рассвета. Кругом было тихо, даже мыши перестали шуметь.

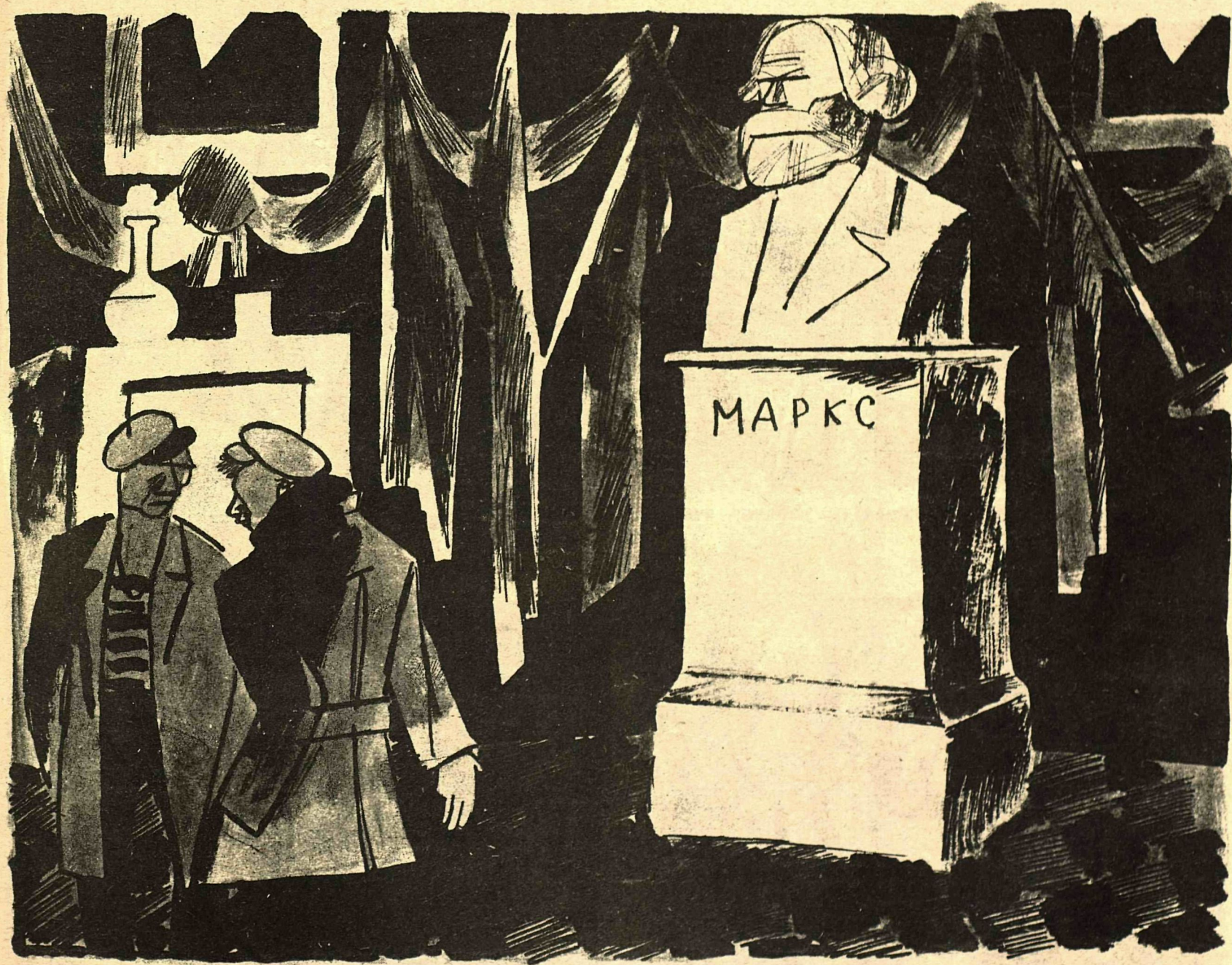
Антон широко зевнул, погасил свет и, едва добредя до постели, уснул, как убитый.

Во сне он счастливо улыбался. Ему снилось, что он об руку с Варяхой идет по двору мимо Аришки, и весь двор — из окон, с лавочки, отовсюду — кажет Аришке длинный язык.

Вас. Лебедев-Кумач.

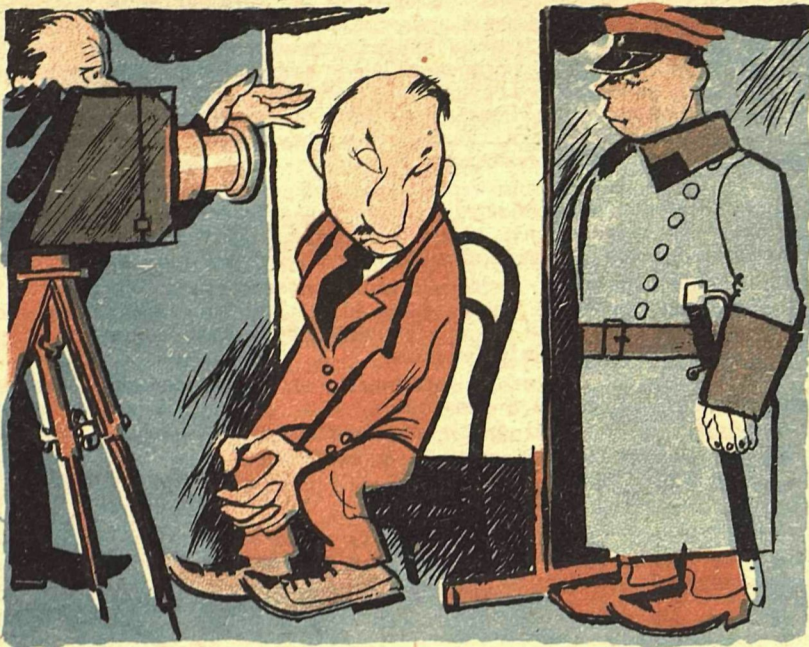
ХУЛИГАНЫ В КЛУБЕ.

Рис. В. Козлинского.

— Говорил я тебе, матюгайся полегче! А то вон видишь — весь народ из клуба разогнали.
— А тебе что?
— Как что? Скушно... Покрыть некого!

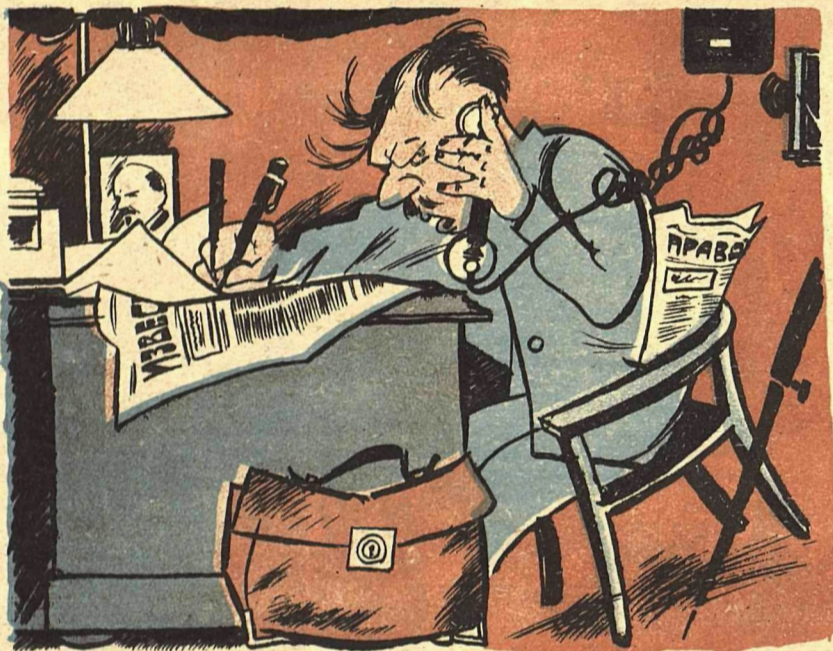
КАК КТО ПРИВЫК СНИМАТЬСЯ.

Так снимается злостный растратчик.

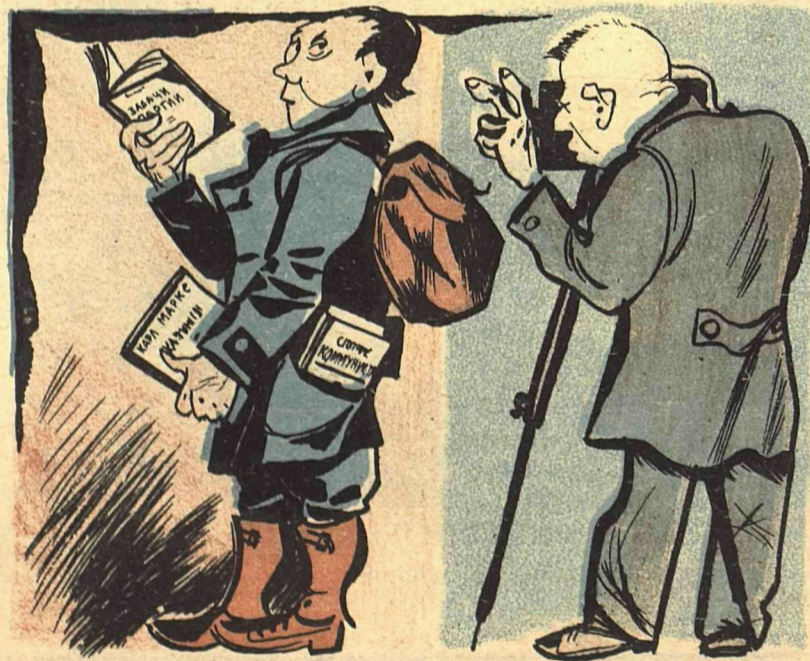
Санаторные на кавказских курортах снимаются обычно так.

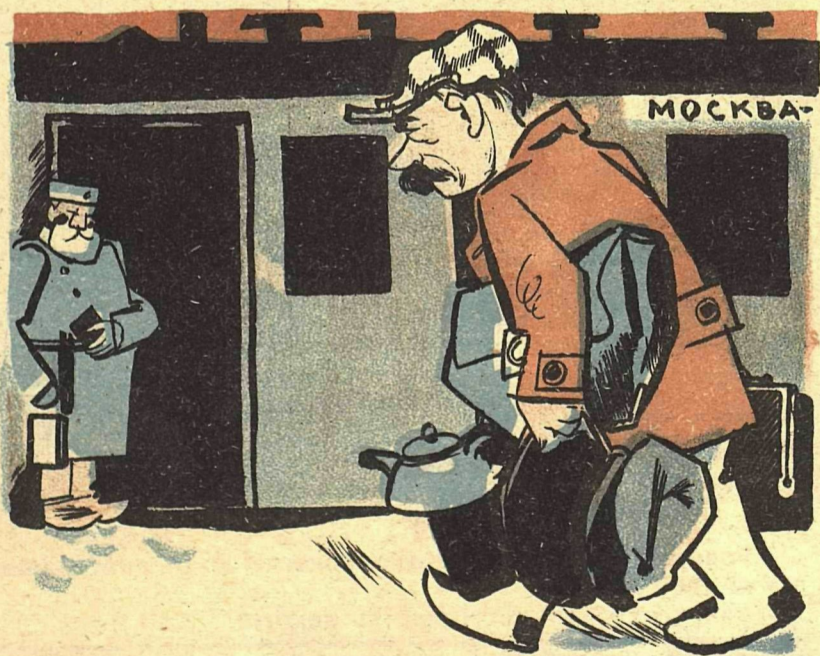
Так снимается директор завода для рабочих, ячейки и высших органов.

Он же на другом, любительском снимке выглядит совсем иначе.

Агитработник обыкновенно снимается так.

И, наконец, лица, оказавшиеся почему-либо не на своем месте, снимаются вот таким образом.